

Глава 8

Кто-то дал мне зонтик, когда я откинулся на спинку скамейки. Снег, который падал на меня, прекратился.

— Ацудо, — человек с зонтиком сказал: — Ты сляжешь, если снова будешь лежать.

Смутное сознание восстановило трезвость, я медленно вспомнил о своём нынешнем положении.

Ну да, моя вендетта не прошла гладко. Я сбежал из родительского дома Хаитани Юдзуру, а затем в одиночестве упал в цветущем парке.

Проследив за источником звука, я увидел Адзусу стоящую предо мной.

Она накрыла мою голову складным зонтиком.

Она начала убирать с моего тела снег, хлопая по нему снова и снова своей маленькой ручонкой, стряхивая его. Я встал, в попытке убежать от её руки.

Мне не нужна её помощь, мне не нужно, чтобы сестра Хаитани Юдзуру спасала меня.

— Я слышала от мамы, — Адзуса продолжала говорить. — Ты правда жертва моего брата?

— Да, — ответил я. — Твой брат убил мою семью.

Она обо всём услышала от своей матери.

Я встал со скамейки и стряхнул снег. Моё тело настолько похолодело, что если в ближайшее время я быстро не пойду в тёплое место, то простужусь.

Адзуса принесла мой багаж. Я сразу взял его, надел пальто и осторожно помахал рукой, чтобы попрощаться с ней.

— Можешь быть уверена. Я больше никогда не встречу с тобой.

Я уже собирался было уйти, но Адзуса схватила меня за руку.

Что она делает?

Как только я собирался стряхнуть её, я услышал, что она сказала: «Скажи, я могу тебе помочь?».

Помочь... .. какое-то время я не понимал, что это за слово.

Взгляд Адзусы был серьёзным. Она смотрела в мои глаза, не дрогнув.

— Я могу связаться с моим братом. Я знаю его адрес электронной почты, но я не отвечала на его электронные письма, так что я не знаю, пользуется ли он им ещё.

Это глупо.

Что-то вроде адреса электронной почты я уже слышал от Томиты Хииро.

Я изо всех сил старался стряхнуть её руку.

— Ничего не понимаю. Зачем тебе мне помогать?

Она же должна знать, что я угрожал её матери ножом. Я не питаю враждебности к семье Хаитани Юдзуру, но моё сердце по-прежнему желало собственноручного убийства.

Адзуса осторожно кивнула.

— Потому что я не могу оставить тебя без присмотра.

Я чуть не рассмеялся вслух.

— Ты что хочешь сказать, что ты относишься ко мне, как к дикой собаке?

Это звучало как оскорбление, разве она не понимает нынешнюю ситуацию?

— Позволь мне сказать тебе на чистоту, моя близкая дружба с тобой — это смех, да и только. С точки зрения других, ты просто ребёнок, над которым издеваются, и сверстница, которая просто чувствовала себя счастливо случайно подружившись кое с кем. Скажу как есть, это всё было подстроено мной.

— Это не так!

Адзуса громко закричала.

Я проигнорировал это, она выглядела так, будет её ударили по самому больному месту.

— Что, сердечко побаливает? Но не так сильно, как у меня. Юми мертва, а младшая сестра Хаитани Юдзуру ещё жива, и уже от одного этого меня тошнит.

Даже я удивился тому, что высказал такое.

Но нет никаких сомнений, что это было у меня на душе.

Всякий раз, когда она радостно говорила о школе, я дрожал от гнева, а Адзуса просто не могла себе такого представить.

Выражение её лица исказилось, она собиралась вот-вот заплакать.

Я развернулся и немедленно ушёл.

Помощь. Она говорила так легкомысленно.

Это просто шутка. Как я мог так легко на это согласиться.

Я шёл по снегу и разбирался в своих отношениях с Адзусой.

Я из семьи потерпевших, а она из семьи преступника. Моя сестра мертва, а сестра Хаитани Юдзуру продолжает жить.

Таким образом, даже если это было притворство, мне хотелось извиниться перед Адзусой за то, что счастливо с ней поболтал.

Я открыл журнал вызовов в своём телефоне и удалил контактные данные Адзусы.

Последний оставшийся контакт также исчез.

Нет никакой зацепки, по которой можно отследить Хаитани Юдзуру, нет никакого мужества отомстить семье Хаитани Юдзуру, нет ни одного компаньона.

Теперь у меня нет ничего.

Когда я добрался до станции, я обнаружил, что Адзуса ждала там.

Она внимательно оглядывалась у турникета, прямо как консьержка.

— Вот же-шь доставучая, — пробормотал я. Чтобы покинуть этот город, я мог только сесть на трамвай, а возвращаться назад на своих двоих было слишком далековато. Мне некуда бежать.

Почему она прибыла на станцию раньше меня? Немного подумав, напрашивался только один ответ.

Она ещё с самого начала рассказывала мне про обходной путь. Но я не знаю, зачем она пришла.

Не имея выбора, я подошёл к турникету. Она сказала:

— Надеюсь, ты можешь сказать мне, что можно сделать, чтобы простить меня.

Я махнул рукой и попытался отогнать её.

Заданный вопрос необъективен, это не детская ссора.

— Это не то, что прощают. Если ты не можешь пройти через это, над тобой будут издеваться всю твою жизнь.

Я сказал, что хочу, проходя мимо неё, в результате она снова схватила меня за руку.

— Я не хочу этого.

— И почему же? Потому что ты жалкая?

Я усмехнулся.

Услышав мой сарказм, лицо Адзусы не дрогнуло, она до сих пор была напряжена.

— Я всегда думала, что это правильно. Мы — семья преступника, и мы не можем быть счастливы, даже если над нами издеваются, мы должны слепо терпеть. Однако семья мисс Игути и семья Ацуто не получили никакой компенсации. Это просто самоудовлетворение, ни больше.

Адзуса отпустила мою руку и опустила голову.

— Прости, я не заметила твоей боли.

Я не мог придумать способа опровергнуть её слова.

Я надеялся, что семью преступника настигнет несчастье — такое желание теплилось в моём сердце. Но даже если они действительно находятся в разгар несчастья, как много это значит для моей жизни? Глядя на Адзусу, я думал об этом таким образом.

Но я до сих пор не понимал.

Почему она предложила мне помощь?

Я спросил провокационно:

— Я что, нравлюсь тебе?

— Да.

Адзуса счастливо в этом призналась.

— Хотя только-только была брошена.

Этот ответ был неожиданным.

Однако в целом я нахожу его понятным.

— ... .. Ну вот, — сказал я. — Похоже, я наделал много чего лишнего.....

Я просчитался.

Я по своей инициативе сблизился с ней, как к другу, но у неё, похоже, был не тот случай. Она видит во мне противоположный пол. Учитывая наш возраст, это может быть нормально.

Я не только обманул её, я также использовал и растоптал её любовь.

— Я знаю, что не стоит так говорить, — начала говорить Адзуса. — Но то, что ты делал, на самом деле было слишком приятно. Это моя первая любовь. Мои одноклассники заставляли меня покупать им напитки, и мой кошелек крали кто не попадя, и когда я готова была разрыдаться, ты пришёл поговорить со мной. Когда я звонила тебе, это было самое прекрасное время в моей жизни.

И всё же я предал её..... по крайне эгоистичным причинам.

Может быть, она поможет мне, как только я отвечу на признание Адзусы.....

Она говорила со слезами на глазах.

— Несмотря на это, ты жертва моего брата, и всё ещё тот, кого я люблю, поэтому я хочу помочь тебе. Вот, это всё что я хотела сказать.

Я не ответил сразу.

У меня есть прошлое, у неё тоже есть своё прошлое.

Я могу сделать несчётное множество оправданий, но ни одно из них не может изменить тот факт, что я обманул и воспользовался невинной и одинокой девушкой.

Я сделал глубокий вдох.

Возможно, из-за чувства вины, моё сердце очень естественно приняло её предложение.

По сравнению с ней, кто преодолела всевозможные осложнения и пошла на уступки, я казался более наивным, раз действовал только руководствуясь страстью.

— ... Я хочу встретиться с Хаитани Юдзуру, я хочу знать правду об убийстве моей семьи. Если что-нибудь случится, я не ручаюсь за свои поступки. Если тебе всё равно, я надеюсь, что ты сможешь мне помочь.

Выслушав мою просьбу, она осторожно кивнула.

— И ещё, — я тихо прошептал. — Я специально наговорил такие обидные слова, мне очень жаль.

Мы помирились.

И вот так, я получил помощь от Адзусы.

Наши отношения с самого начала не могли быть хуже.

Но у меня всё ещё есть лучик надежды, что «может быть, у меня получится встретить Хаитани Юдзуру», действуй я вместе с Адзусой. Адзуса поможет мне отплатить за преступления, совершённые членом её семьи.

Отношения, которые едва поддерживаются этими чувствами, будут иметь только ужасную атмосферу.

Я ненавижу брата Адзусы, а Адзуса, кажется, таила на меня обиду за то, что я игрался с её чувствами.

Такие два человека не могут быть близки, мы всегда ссоримся.

В конце концов это не было задушевной ссорой как между друзьями или возлюбленными. Порой я действительно кричал на неё, заставляя её плакать; порой она так рьяно жаловалась, что я терял дар речи, проваливаясь под землю.

Я не могу полностью доверять Адзусе. Возможно, она обо всём лгала. Возможно, что она действительно знала, где Хаитани Юдзуру, но она не говорила мне.

Поэтому я сказал Адзусе: «Я хочу увидеть твой дневник».

Он была у неё дома, ещё когда я встретил её. Место, в котором мы встречаемся естественным образом, находится у неё дома.

Услышав мои мысли, Адзуса покачала головой и отказалась.

— Извини, я не могу тебе его показать.

— Могу ли я спросить, почему?

— Почти каждый день я писала туда все жалобы и обиды... .. а ещё в нём должно быть кое-что, что расстроит тебя. Потому что, даже если это высокомерная искренность обидчика, ему тоже надо найти место, в котором можно выпустить пар.

Адзуса опустила глаза от мук.

Но я не отступал от своего.

— Если ты не хочешь, чтобы я смотрел его, я не буду заставлять тебя. Но я хочу найти Хаитани Юдзуру, а также хочу лично проверить, есть ли в дневнике хоть какая-то информация.

Я понимаю, что говорить такое — сверх подло, потому что я знаю, что она не может отказать.

Наконец, Адзуса тихо сказала: «Хорошо», — и достала толстый блокнот.

Я открыл её дневник.

Он был наполнен иероглифами, а почерк сильно аккуратный.

Как она и сказала, в дневнике были жалобы, а также подробное описание жестокого обращения, которому она подверглась.

Я понимаю, что ей пришлось натерпеться болезненных и трудных дней.

Впрочем, не только это было написано в её дневнике.

Почему я должна так страдать?

Сегодня опять порвали учебник. Это продолжается уже неделю.

Кто неправильный — так это мой брат, так почему же меня обливают водой?

Я терплю, потому что моя семья совершила ошибку. Но когда это закончится?

В тот момент, когда текст бросился в мои глаза, из моего сердца вырвались раскаленные чувства, подобно магме. Я не могу устоять перед своими порывами и могу только выразить свои чувства в собственной голове.

... .. Видно же, что младшая сестра убийцы носит шкуру жертвы.

... .. За что тебя обливаю водой? Твой брат натворил куда серьезнее, чем это.

Адзуса молча слушала моё проклятие.

Она приложила кулак на колени и всё время тихо слушала. Но я не остановился, я просто продолжал проклинать, пока страсть не была исчерпана.

Я не знал, сколько времени это заняло, прежде чем я извинился перед ней. Тем, что осталось после этого, были лишь пустые чувства.

— ... .. Ты права. Мне правда не стоило читать этот дневник.

— Тебе не нужно извиняться, — пробормотала Адзуса.

Своим бессильным голосом она показала мне сожаление и беспокойство. Но её лицо было наполнено горем из-за боли.

Какое-то время я мог только терпеть смущение, вызванное мною.

Такие ссоры между нами — обычное дело.

Между мной и Адзусой пролегает непреодолимая пропасть.

Однако этот небольшой разговор начал менять мои отношения с Адзусой.

Затем мы обсуждали, как найти Хаитани Юдзуру.

Этот диалог был набит порохом, и дискуссия также вращалась на месте, вызывая головные боли. Должно быть, она хотела сменить тему.

Адзуса спросила, что я ношу с собой.

— То, что ты всегда носил с собой, оно связано с твоей сестрой?

Проследив вниз за её пальцами, она нашла карточку с подснежником, выпавшую из моего кармана.

Я засунул карточку поглубже в карман, чтобы она не выпала.

— Вроде бы, я уже говорил про это? Это были цветы, подаренные моей сестрой на мой день рождения. Когда они увяли, их вставили в карточку.

— ... .. А почему они увяли?

— Когда погода начала становиться теплее, они постепенно утратили свою жизнь. Само собой, их поливали и удобряли как того требовалось.

Я пытался менять почву или переносить в солнечное место. В конце концов, это последний подарок моей сестры, и я хочу беречь его как можно больше. Но это возымело обратный эффект, и цветы засохли.

Услышав моё объяснение, Адзуса воскликнула: «А?», — и быстро наклонилась.

— Ацудо, они в спячке. Подснежник — это луковичное растение, которое отмирает каждый год.

Я наклонил голову.

Я совершенно не понимаю её слов. С тех пор, как вьюнки были посажены ещё в начальной школе, у меня никогда больше не получалось вырастить цветки. «Это не то же самое, что и цветок, который оставляет семена?».

— Это совершенно другое. Что сейчас с теми подснежниками?

— Я не мог бросать их и оставил во дворе учреждения.

Адзуса широко открыла глаза и застыла, как будто она не могла поверить в то, что я сделал.

— Невероятно, — сказала Адзуса. — Эти подснежники ещё могут снова расцвести.

— Э, правда?

— Всё же, если оставить его без присмотра, он действительно может увянуть. Это зависит от состояния луковицы. Если он находится во дворе, его может омыть дождь, вероятно, всё будет в порядке... ..

— Это... Трудно сказать.

— В любом случае, пришли мне фото, когда вернёшься, я посмотрю.

Моя младшая сестра дала мне подснежники, которые можно было воскресить.

Реликвия Юми... для меня, это кое-что столь же важное, как Хаитани Юдзуру.

С того дня мы были на связи каждый день, и большая часть бесед была связана с подснежниками.

Даже такой дилетант как я, глядя на них думал, что обезвоженные луковицы были слишком тонкими. Но на них родились крошечные почки, они ещё не отмерли.

Адзуса осторожно руководила мной, начиная от того, как выбрать правильную почву до удобрения, подходящего для подснежников, и давая нужную информацию мне, не имеющему никаких знаний в садоводстве.

Следуя её советам, луковицы подснежника медленно восстанавливались. С тех пор Адзуса и я постепенно начали болтать о других темах. Незаметно для себя, у меня вошло в привычку разговаривать с ней.

— Стебли так сильно разрослись, что они правда могут расцвести.

Вот к примеру, услышав вот такое моё сообщение, Адзуса сказала мне: «Ну что, на данный момент можно расслабиться. Больше не нужно наливать слишком много воды», — когда почва замёрзла или появились сосульки, она также предоставляла детальные знания о всех тонкостях, и тема смещалась в то русло, где она училась, а затем она рассказывала о школьной жизни и увлечении. Я рассказывал о том, как весело проводить занятия в заочной школе, а также об опыте знакомства с людьми, с которыми я никогда прежде не встречался; Адзуса также делилась тем, что происходило на вступительных экзаменах в старшую школу и в классе.

К слову говоря, ещё когда я обманывал её, наши разговоры редко прерывались, и, должно быть, наши интересы изначально хорошо подходили друг другу.

Сомнений нет, между мной и Адзусой пролегает пропасть.

Эта пропасть не может быть легко преодолена. Однако, когда мы стояли на скале с обеих сторон и кричали на противоположную сторону, разговоры между нами постепенно увеличивались.

После посещения дома Адзусы мы всегда идём прогуляться по парку.

Это был тот самый парк, который она рекомендовала, и клумбы которого изнутри были украшены светильниками. Декорации, которые мы видим каждый день, практически не меняются, но мы всё равно ходим туда без видимой причины.

Адзуса что-то говорила о цветах, а я молча слушал.

Прогуливаясь мы осматриваем цветники с подснежниками. Цветы ещё не распустились, ожидая прихода весны под снегом. Мы сидели на скамейке и просто смотрели на них.

Как-то раз, находясь в парке Адзуса спросила меня: «Что ты думаешь о будущем?».

Почему она спрашивает?

Услышав мой вопрос, она ответила: «Потому что подснежники — это цветы желаний. Поэтому, я просто хочу поговорить о светлом будущем».

— Желаний? Помнится, не ты ли раньше говорила чепуху, что они знамение смерти?

— Что за чепуха... — Адзуса вздохнула с обиженным лицом. — Я тут подумала, когда ты не притворяешься, ты очень резок. Когда мы впервые встретились, ты был так нежен.

— Таким уж я был.

— Я так плохо отозвалась о подарке, который тебе подарила твоя сестра Юми. Одним словом, я хочу поговорить о желаниях.

— Будущее полное желаний.

Это действительно жестоко. Я вздохнул в депрессии.

Юми потеряна, только я двигаюсь вперёд. Это делает меня несчастным.

— А что думаешь ты, Адзуса? — я спросил в обратную.

Она покачала головой.

— Прямо сейчас я ни о чём не могу думать, я просто живу замешанная в преступления моего брата.

— Ты подняла эту тему, но сама не думала об этом?

— Вот опять эта резкость. И так, Ацуто, как насчёт тебя?

— ... .. Будущее... я не могу себе его представить.

Услышав мой ответ, Адзуса саркастически сказала: «Разве с тобой не то же самое?».

Я ляпнул то же самое, что и у Адзуса, просто сказав, что пока ничего не могу придумать.

Это ложь.

На самом деле, я психологически подготовился, и уже решил.

За грех налагается равное наказание.

Зарежу Хаитани Юдзуру и умру сам. Моё будущее обречено.

Естественно, Адзуса знать не знала о чём я думал, она лишь улыбнулась и сказала:

— Хорошо, когда можно поговорить вместе. Когда всё закончится, давай не торопясь

поговорим друг с другом.

Её интонация была наполнена мечтаниями.

В то время мы обязательно будем сидеть на этой скамейке, наблюдать за расцветающими подснежниками и с радостью говорить о будущем.

— Ага, — пробормотал я. — Это так называемое счастье.

Мой рот подсознательно сболтнул такие слова, что даже мне самому было не ясно, правда это или ложь.

— Что ж, мы договорились, — Адзуса улыбнулась. — Давай исполним это желание вместе.

Столкнувшись с её непримиримым внушением, мне пришлось неоднозначно кивнуть.

...

С того дня у меня появилась недостижимая мечта.

Я с Адзусой собиравшись отправились на встречу с Хаитани Юдзуру, чтобы услышать его оправдание, которое я могу принять, а также слова извинения и раскаяния. Хотя я чувствовал себя совершенно неспособным простить его, но однажды я всё же смог успокоить гнев в своём сердце. Или же я отомщу в таких пределах, в которых семья Адзусы сможет пойти на большинство уступок, и Хаитани Юдзуру снова станет человеком, находясь под присмотром собственной матери. После того, как месть свершится, мне и её брату удастся начать всё с чистого листа, а Адзуса станет обычным другом. Вместо моей смерти, я говорил с ней о её мечтах на будущее.

Разум тут же закричал: это невозможно. Зачем дружить с сестрой преступника?

Однако я больше не могу забыть эту идею. Как только я успокоился, крайне нереалистичная мечта была вычеркнута из сознания.

Но моё заблуждение было в корне неверно.

Встреча с Хаитани Юдзуру окунула нас в ад.

...

Что касается результата, мы успешно вышли на контакт с Хаитани Юдзуру.

Мы воспользовались адресом электронной почты Адзусы, продолжая отправлять электронные письма Хаитани Юдзуру, содержание которых было наполнено вот такими выдумками: «Подозрительные люди, ошиваются рядом с домом», «Кто-то угрожал мне, что он знает правду о Томите Хииро», «Я хочу встретиться и сказать кое-что напрямую».

Наконец получатель ответил.

В конце декабря Адзуса и Хаитани Юдзуру — брат и сестра — встретились спустя полтора года, выбранным местом был караоке-бокс возле станции Синдзюку.

Хаитани Юдзуру отказался от встречи с матерью, думаю, ему было стыдно смотреть ей в лицо.

Я был в частном боксе по соседству, держал телефон на связи с Адзусой и подслушивал их разговор. Затем я найду подходящее время, чтобы ворваться в комнату, где находятся эти двое и спрошу у Хаитани Юдзуру правду о происшествии.

В случае необходимости я пригрожу кухонным ножом.

Таков был план.

Однако, как только Хаитани Юдзуру открыл свой рот, ситуация поменялась кардинальным образом.

— Адзуса, я планирую взорвать станцию Синдзюку.

Хаитани Юдзуру говорил без остановки.

Он собирался устроить теракт, и, хотя он отправится в тюрьму, его не приговорят к смертной казни.

Это был террористический акт, который изменил бы ювенальную юстицию, но семья Ватанабэ Ацуго почти прознала о том плане, поэтому ему пришлось убить их.

Вознаграждение спрятано в месте, о котором знает только он, и рано или поздно он сможет выйти из тюрьмы, а затем использовать эти деньги, чтобы жить комфортной жизнью.

— Я знаю, что это создаст проблемы для семьи, и я надеюсь, что ты можешь это вытерпеть. Рано или поздно я заживу вместе с вами, — вот так Хаитани Юдзуру сказал Адзусе.

Это слишком смешно. Абсурдно смешно.

Если бы эти слова были сказаны кем-то другим, я бы точно рассмеялся.

Но я не думаю, что это шутка. Он действительно собирался совершить террористический акт бомбами.

Ситуация уже была слишком невыносима для меня, чтобы задавать вопросы.

...

Да, мы ничего не поняли.

Моя семья, по сути, была вовлечена в гораздо более чудовищный план.

...

Сразу после того, как Хаитани Юдзуру ушёл, Адзуса позвонила в полицейский участок и рассказала сотрудникам, которые ответили на звонок, обо всех планах Хаитани Юдзуру.

Сначала собеседники внимательно её слушали, но постепенно стали скептически настроены, пока не потеряли дар речи и замолчали.

Полиция не поверила словам Адзусы.

Если подумать спокойно, это весьма корректно. Первоначально то, о чём рассказывалось, было невероятным, да и ребёнку, что сообщил в полицию, было всего пятнадцать лет. Они хотели сделать стенограмму, но не знали где сейчас проживал Хаитани Юдзуру, и, не имея никаких других улик, или даже не зная, на какое время было запланировано преступление, полиция не могла действовать. Ей надо было проследить за Хаитани Юдзуру и выведать его текущее место жительства. В результате в полиции не поверили Адзусе, и повесили телефонную трубку.

Может быть, они подумали, что это просто розыгрыш.

Чтобы заставить полицию действовать, этой информации было слишком мало и не доставало надёжности.

Мы могли рассчитывать только на самих себя, чтобы в очередной раз найти Хаитани Юдзуру.

Мы неделю блуждали по станции Синдзюку. Взяли отгулы в школах и передвигались по Токио. Хаитани Юдзуру живёт близ станции Синдзюку — это было нашей единственной информацией. Это может быть Канагава, это также может быть Сайтама.

Мы оба понимали, что шансы были слишком малы, но мы не останавливались.

Что заставляло тело действовать, так это скудное чувство справедливости.

Кто-то погибнет, кто-то почувствует такую же боль, что и я. Это не рациональное умозаключение, а инстинктивное восприятие.

То, что следует избежать во что бы то ни стало должно вот-вот произойти — просто думая о таком будущем, мы неосознанно делаем шаги.

— Ацудо, перестань искать его, — Адзуса сказала мне в конце года.

Пока мир готовится к празднованию Нового года, мы всё ещё находимся в поисках террориста.

Мы вдвоём стояли высоко, глядя вниз на толпу, идущую по большой лестнице.

— О чём ты?

— В буквальном смысле.

Адзуса ответила с улыбкой, как в благословении.

— Потому что... все твои желания сбудутся, разве не так?

Желания?

Каких ещё желаний можно достичь в этой ситуации?

— Сам подумай, это довольно большое террористическое событие, так? Мой старший брат попадёт в тюрьму, а за нашей семьёй будут гоняться СМИ, и чтобы воздать по заслугам за жертв, отнятых у близких, вся семья встретит трагический конец. Даже ювенальная юстиция, которую ты ненавидишь, может измениться с этим событием. Правильно? Все твои желания сбудутся.

— Нет, моё желание...

Я открыл рот, но не смог продолжить говорить.

Я не знаю, как ответить. Чего я желаю сейчас?

Адзуса права. Почему я должен останавливать террористические акты? Потому что ты не хочешь позволить тем, кого ты даже не знаешь, умереть? С чего это вдруг во мне проснулся этот геройский настрой?

... .. Ты можешь успешно отомстить, не совершив ни единого греха.

... .. Ничто не будет потеряно, все желания сбудутся.

— Будь это прошлый ты, тебе бы понравился такой исход, не так ли? Просто относись ко всему, что произошло после того, как ты встретил меня, как если бы это не происходило.

— ... .. Да как я могу... как будто этого не происходило.

— Я знаю, — Адзуса улыбнулась, я не знал, в каком месте я сказал что-то странное. — Но тебе не нужно продолжать искать моего брата. Потому что тебе это незачем. Если об этом узнают, тебя могут даже посчитать за соучастника нашей группы семьи.

Адзуса пошла. «Что ж, — она махнула рукой. — Прощай».

Я не мог наверстать упущенное сразу.

Её спина выглядела очень худой. Я хотел окликнуть остановить её, но лишь выпустил хриплый голос. Адзуса ушла, не оглядываясь.

В конце концов, я всё же не смог догнать.

Когда я опомнился, я уже пришёл туда, где я был раньше.

Старый дом, в котором я когда-то жил со своей семьёй. Окружённый деревьями, перекрывающими весь свет, угол сада был окутан тьмой.

Солнце садится, и в темноте, в которой я не мог разглядеть даже свои пальцы, я погружаюсь в мысли.

Разместившись в углу, я смотрел документальный фильм.

Это было изображение, найденное в интернете по запросу «семьи преступников».

В фильме рассказывалось о семье преступника, который совершил злостный инцидент. У человека, который совершил преступление, была младшая сестра, и с момента инцидента СМИ взяли её под прицел, из-за чего она меняла работу и места жительства. Когда она, наконец,

нашла работу, обустроилась и влюбилась в мужчину, член семьи со стороны мужа узнал, что она была сестрой убийцы, и выступил против брака с ней. Отношения ухудшились, пока они не расстались, и в итоге она покончила жизнь самоубийством.

Сестра погибшей плакала от горя:

«Преступники защищены в тюрьме, но семьи преступников всегда будут в обществе и всегда сталкиваются с несправедливостью!».

Внезапно лицо женщины перекрылось с лицом Адзусы. Мне показалось, что я увидел фигуру Адзусы в окружении бесчисленных репортёров после ареста Хаитани Юдзуру.

В конце документального фильма сестра преступника, в итоге, решила покончить жизнь самоубийством. С тяжелым финалом изображение закончилось.

Это исход, которого я желаю?

Это правда так?

Бесчисленные «звуки» эхом повторялись, словно чтобы раздавить мои сомнения.

«Преступник не может быть прощён! Семья ничем не лучше. Их надо свесить вместе!»

Эти слова всегда поддерживали меня.

Два вида голосов эхом звучали в моём мозгу.

Я должен был принять решение, выбрать собственное счастье и выбрать приемлемый исход.

Но политика была решена. Я всегда был настроен решительно.

Это моя единственная гордость.

Продолжать двигаться.

Вместе с моей сестрой, которая больше не может двигаться вперёд.

Раздражённый в течение нескольких дней, я сделал простое предложение Адзусе.

Просто отправить Хаитани Юдзуру вот такое электронное письмо:

— У меня много друзей в Токио, я надеюсь, что ты скажешь мне дату взрыва. Если ты не доверяешь мне, можешь сделать это перед тем, как начнёшь.

У Адзусы был непонимающий взгляд.

— Последнее предложение не нужно добавлять, разве нет? Даже если бы я знала об этом заранее, что я могу сделать? Ты же ничего не сможешь сделать, нет?

— Если ты сообщишь в полицию, возможно, они отреагируют.

— Ты хочешь остановить все поезда, проходящие через станцию Синдзюку, и дать людям уйти со станции, чтобы найти убежище? Только по нашим показаниям?

Она говорила, что это невозможно.

Честно говоря, я тоже так думаю.

Какими бы хорошими не были полицейские во всём мире, они вряд ли поверят показаниям 15-летнего подростка. В лучшем случае, они проверят станцию на наличие подозрительных предметов, но невозможно себе представить, сколько людей может укрыться, ведь на станции Синдзюку ежедневно ездят десятки тысяч пассажиров.

... .. Такое не прокатит при обычном подходе.

У меня конечно был план, но я не мог рассказать о нём Адзусе.

— И всё же, я сделаю столько, сколько смогу, — она пробормотала и отправила электронное письмо. — В любом случае, предотвращение — самый важный аспект. Я буду продолжать искать моего брата, и, если я найду его, даже если он притворялся, его надо будет арестовать.

Она исчезла на улицах Синдзюку.

Тем не менее она вряд ли найдёт его. Отчаянные действия в конечном итоге обернутся тщетностью, и взрывы бомб Хаитани Юдзуру, несомненно, увенчаются успехом.

Он не знал, что произойдёт с его семьей в конце дороги.

В начале января я попросил Адзусу вместе сходить на могилу.

Она хотела потратить как можно больше времени на поиски своего брата, но по моему настоянию согласилась. С продолжающимися безрезультатными поисками на улицах, надежда найти Хаитани Юдзуру оставляла желать лучшего. Боюсь, что прежде, чем она успеет найти это, она сначала устанет.

Из-за недосыпания и усталости Адзуса сильно похудела. Она сказала, что ей страшно по ночам и не может спать спокойно. Я попросил её приехать сюда, надеясь, что у неё сможет поменяться настроение в живописном месте.

— Ты правда не против? — она спросила меня по дороге. — Подметание могилы и тому подобное, как правило, член семьи жертв не допустит этого.

Услышав, что она сказала, до меня дошло.

Будь это Хаитани Юдзуру или Томита Хииро, я бы никогда такого не допустил.

В день подметания могилы небо было ясным, а над головой было голубое небо без единого облачка.

Встав пред надгробием, я познакомил Адзусу с семьёй, спящую долгим сном. Она сестра одного человека, которому я поклялся отомстить, и члены моей семьи, погребённые под землёй, могли быть удивлены, а может и вовсе взбешены.

Адзуса всегда молчала, сложив руки вместе. Её внутренние мысли были известны лишь ей самой, но эта её фигура с приклонёнными коленями и прямой спиной, больше не заставляла меня чувствовать себя несчастным.

— Я хочу кое-что сказать, Адзуса.

— Что такое?

Я осторожно погладил надгробие.

Интересно, о чём подумает моя семья, когда я скажу следующее?

— Когда я потерял членов семьи и впал в горе, меня сопровождали «голоса». Это были комментарии, которые многие люди писали после поджога Томиты Хииро: ювенальная юстиция слишком снисходительна, всех членов семьи преступников надо сажать в тюрьму, нельзя прощать преступников, защищённых ювенальной юстицией, и так далее. Глядя на эти комментарии, я очень радовался, они как будто говорили мне, какие мысли у меня на душе. Благодаря этим «голосам», я мог действовать до сегодняшнего дня.

Оглядываясь назад, мои действия были похожи на манипуляцию этими «звуками».

Потому что это была единственная вещь, которая поддерживала меня.

— Но я начинаю думать, что у этих «голосов» есть и другая сторона.

Я продолжил.

— Томита Хииро поверил в информацию, что «ювенальная юстиция не имеет большой силы», и легко устроил поджог, убив людей. Голос «санкции против семьи преступников» преследует тебя и твою мать, вынуждая Хаитани Юдзуру отдалиться от своей семьи. Люди, которые ненавидят Хаитани Юдзуру и думают, что «нельзя прощать преступника», опираясь на информацию из еженедельного журнала, разрушили его жизнь, в результате чего он отклонился от реабилитационного пути.

Конечно, это всё надуманные объяснения в ретроспективе.

Возможно, преступление Томиты Хииро не имеет ничего общего с окружающей информацией. Возможно, даже если бы он жил со своей семьёй и не был разоблачён еженедельником, Хаитани Юдзуру не изменился бы.

Это просто вероятия.

Более того, даже если ситуация немного отличается, а Юми до сих пор может быть жива... .. в тот момент, когда я подумал об этом, мне показалось, что что-то сломалось.

— Если бы не было «голосов», распространяющих субъективные неверные толкования, информацию и безответственное гонение преступников, Юми не умерла бы... такая мысль всегда кружилась в моей голове. Что я действительно должен ненавидеть, так это эти «голоса»?

— Ацудо, ты прав, Юдзуру и Томита Хииро... — Адзуса подняла голос.

— Я знаю, я не собираюсь их защищать.

Я перебил Адзусу и продолжил:

— Они злодеи, и этот факт не изменится. Голоса, которые ненавидели их, поддерживали меня. Из-за этого, моё настроение было таким сложным, таким запутанным! Но в одном я могу быть уверен.

Я положил руку на надгробную плиту.

— Я не могу мириться с его террористическими актами.

Это проблема не имеет для меня никакой пользы.

Но это противоречит моим убеждениям.

— Наниматель Хаитани Юдзуру намерен использовать эти «голоса» для изменения закона. Спровоцировать сенсационное событие, подстрекнуть общественное мнение к насильственному искажению закона — такой подход абсолютно неправилен. Истина об инциденте, который отнял у меня семью, оказалась таким глупым результатом, да как я могу принять это!

Я объявил ей:

— Адзуса, я хочу бороться с этим террористическим актом. Я просто хотел рассказать тебе об этом.

Я пришёл подмести могилу, чтобы показать свою решимость перед семьёй, чтобы двигаться вперёд и не убежать на полпути поджав хвост.

Адзуса моргнула, как будто не сразу поняла, что я имею в виду.

Какое-то время мы смотрели друг на друга.

Вскоре глаза Адзусы упали на мои руки. «Ацуто, твои пальцы дрожат».

Я горько улыбнулся, когда посмотрел на руку, приложенную к надгробию. Кончики моих пальцев дрожали так сильно, что я даже не осознавал этого. Ногти впились в гранит и издавали шум.

Я собрал остатки моей скудной смелости и улыбнулся ей.

— Просто немного боязно, всё в порядке.

— Ацуто, чего ты боишься? — громко спросила Адзуса. — Что, в конце концов, ты собираешься делать?

Столкнувшись с её вопросом, я не смог ответить. Потому что она наверняка выступит против.

Я прекрасно понимаю, что мой план глуп. И мои дрожащие пальцы доказывали это.

Но я решил двигаться вперёд.

Это лучший метод — я убеждаю себя таким образом.

Я хочу предотвратить план того нанимателя, хочу защитить Адзусу. По этой причине нельзя допустить, чтобы в теракте Хаитани Юдзуру появились погибшие. Чтобы свести к минимуму вероятность жертв, необходимо, чтобы как можно больше людей нашли убежище, и как можно скорее. Обычных объявлений недостаточно, они должны быть более обширными и более эффективными.

С помощью взорвавшейся бомбы, как шоком, я собираюсь перевернуть всё с ног на голову.

Будь то никчёмный план или безответственная шутка, всё это исчезло для меня.

Ради этого я сделаю всё.

... .. Даже такой идиотский поступок, как узурпация террористического акта другого человека.

<http://tl.rulate.ru/book/29072/751009>